

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ ВРЕМЕНИ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ЕСАИ КРЫМЕЦИ

Мелоян Анаит – кандидат психологических наук, профессор. Донбасский государственный педагогический университет. Украина, г. Славянск, 84116, ул. Генерала Батюка, д. 19; e-mail: anaitmeloian@gmail.com

Шарьпин Андрей Викторович – кандидат философских наук, доцент. Киевский национальный университет строительства и архитектуры. Украина, 03037, г. Киев, просп. Воздухофлотский, д. 31; e-mail: slega@ukr.net

Современная наука, несмотря на общепринятые представления об единстве и многообразии форм времени, оставляет неопределенной специфическую природу темпоральности. История развития взглядов на природу времени в отличие от природы пространства не эволюционна и не революционна. В итоге, ключевое звено биологического и когнитивного единства человека расценивается лишь как вспомогательное средство для построения вычисляемой картины мира. С учетом того, что условием синтеза Времени была и остается деятельность сознания, выход из сложившейся ситуации – в конструктивном переходе от онтологических притязаний науки к изучению эпистемологии темпоральности, от вопроса «что есть время» к вопросу «почему возможен его ход». Авторы, на примере малоизвестных данных из исторической памяти армянского народа о средневековом астрономе XV в. Есаи Крымеци, реконструируют первичные когнитивные механизмы секуляризации и десаκραлизации представлений о природе времени.

Ключевые слова: эпистемология, Время, эпистемология темпоральности, Есаи Крымеци, армянский календарь, история науки, философия науки

EPISTEMOLOGICAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF TIME IN ESAI KRYMETSZY'S SCIENTIFIC HERITAGE

Anait Meloian – PhD in Psychology, professor. Donbas State Pedagogical University. 19 General Batiuk Street, Sloviansk, 84116, Ukraine;

Modern science leaves the specific nature of temporality unclear, despite the generally accepted notions of the unity and diversity of the forms of time. In contrast to the nature of space, the history of the development of views on the nature of time is neither evolutionary nor revolutionary. As a result, the focal point of the person biological and cognitive unity is regarded only as an auxiliary

e-mail: anaitmeloyan@gmail.com

Andrey V. Sharypin –
PhD in Philosophy,
associate professor.
Kyiv National University of
Construction and Architecture.
31 Vosdukhoflotskiy Ave, Kyiv,
03037, Ukraine;
e-mail: slega@ukr.net

tool for constructing a computable world. Considering that the activity of consciousness was and remains the condition for the synthesis of Time, the way out of the current situation is in a constructive transition from the ontological claims of science to the study of epistemology of temporality, from the question “what is time” to the question “why is it possible to move”. Using the example of little-known data from the Armenian history of science about Esai Krymetsy, 15th century medieval astronomist, authors reconstruct the primary cognitive mechanisms of secularization and desacralization of the nature of time.

Keywords: epistemology, time, epistemology of temporality, Esai Krymetsy, history of science, Armenian calendar, philosophy of science

Кризис представлений о Времени в современной науке

Со времени, когда с легкой руки Э. Гуссерля, Я. Иксюля и К. Лоренца была обоснована психологическая, экологическая и биологическая природа человеческого а priori, категория Времени неизбежно утрачивала идеалистические позиции. Так психологизм и натурализм обнажил первый парадигмальный разрыв в ее понимании. Второй, когнитивный разрыв оказался сопутствующим фактором. Кумулятивное развитие научного знания пропустило представления о сакральном Времени через жернова позитивизма, лишив его напрочь собственной априорной структуры. Темпоральные качества, такие как *число движения, мера изменения, последовательность, непрерывность и бесконечность*, обрели самостоятельную жизнь в терминах математического анализа. В дальнейшем за скобки научности выведены старые «астрологические ловцы Времени» – *генитуры, инициативы, излияния*. Представление о целостном Времени выхолащивалось, пространство «сакрального времени» постепенно вытеснялось пространством разума *voûc*. В итоге, объективное время сейчас – фикция, результат договоренности, «линейная условность», сопутствующая «четвертая координата» или «мнимая величина» – то, в чем мало что сбереглось от его первичной природы. Но следует отдать должное, в XX в. не прекращались субъективные попытки актуализации обезличенного Времени и преодоления расширяющегося разрыва в понимании его сущности. Ведь условием синтеза Времени была и остается деятельность сознания. В ряду смелых и по-своему неповторимых решений: и *имманентное время* Гуссерля, и *идея живой длительности* Бергсона, и *экстатическое время* Хайдеггера, и *временной порядок* Рейхенбаха, и *временные ряды эпистемологических конфигураций* Фуко и Хьюбнера. Как элементы того же ряда – *стрела времени* Пригожина, *физическое время* Козырева.

Кризис научной рациональности подвел современную философию сознания к эпистемологическому тупику. Выход из него обязывает эпистемологов, по меньшей мере, отступать от общепринятой телеологии и методологии и обращаться к когитациям иного времени, иной онтологии рационального, к тем периодам истории науки, когда знание и реальность могли связываться иначе. Ко времени, когда для познающего мир было важнее активное темпоральное обладание протяженностью (сжатость / растянутость, раньше / позже), нежели сама протяженность. Ко времени, когда еще не было намерения различать длительность ощущений и ощущения длительности: эталон протяженности мог меняться в зависимости от приложенных усилий (см. персидский *фарсах*), а расстояние – определяться *ритмом / темпом* чтения молитвы. Когда сакральное Время всецело доминировало над множеством разбросанных по миру *то́лос*, а понятия об абсолютном пространстве вовсе не существовало. Сможем ли мы приблизиться к «живому настоящему» такого ученого, отдаленного от нас во времени и в пространстве, лишь немного зная о его представлениях?

Вернуть полузабытое ощущение полноты Времени позволит нам феноменологическое погружение в интеллектуальную культуру XIV–XV вв. и переоткрытие армянской традиции календароведения указанной эпохи. Речь пойдет о средневековом *вардапете* (ученом монахе) Есаи Крымцеи – уроженце Крымского полуострова (Каффа, ныне Феодосия), календароведе, космологе и астрологе первой половины XV в., к сожалению, и поныне малоизвестном за пределами самой Армении. Мироззрение Есаи по большей части сокрыто в тени истории: есть не более двух десятков сведений о нем, интенциональная связь между которыми очень запутана.

Феномен развития астрономии и календарной науки у армян Ближнего Востока в *Золотой век ислама* и необычайно сложен, и наиболее показателен. Армянский народ прошел невероятную по трудности и самобытности историю цивилизационного становления и развития. К тому же научный поиск в направлении единства мира и всеобщего согласия у средневековых армянских ученых выражался иначе, нежели, к примеру, у тех же рационалистов Нового времени. Раздел Армянского царства и разрушение родовых феодальных кланов (*нахараров*). Далее беспокойная жизнь на границах Византийской империи и Персии. Урбанизация армянского населения и образование разрозненных общин в богатых пограничных городах Бардзр Хайка, аль-Шама, Киликии – это жизнь в специфической, синкретической и космополитической среде пограничных городов (Трапезунд, Ерзнка, Тарсус, Эрзерум, Эдесса). Взлеты и падения Армянских королевств, бесконечные союзы и соглашения то с Византией, то с монголами, то с латинянами. Отсутствие единства внутри армянской церкви через открытое противостояние Кырнайского и Гладзорско-

Татевского центров образования, неприятие халкидонства, верность Александрийской школе [Аревшатян, 1980]. Вместе с тем, высокая книжная культура и неиссякаемая энергия созидания как противовес разрушительной силе множества завоевателей. Удивительно, но, несмотря на воздействие множества деструктивных факторов, армянам удалось сохранить внеконфессиональное мультикультурное и интеллектуальное единство именно благодаря специфическому отношению ко Времени и своему календарю. Именно поэтому феноменологическое погружение в запутанную интеллектуальную культуру Крыма XIV–XV вв. требует решительного отказа от европоцентризма.

Кросс-культурный диалог интеллектуальных традиций Крыма первой половины XV в.

Предоставим слово Есаи. В дошедшем до нас астрономическом пособии по календароведению «Календарь Солнца и Луны» он пишет: «Я многострадальный и набожный Есаи, недостойный похвал творец искусства. Запомните меня по многочисленным трудам, в которых я проверил и подтвердил движение Солнца и Луны, расположение звезд, которые безошибочными и совершенными движениями не теряют ни часы, ни минуты, ни градусы, ни частицы» [Есаи, 1990, с. 71]. У Бога вне Времени был план сотворения мира, лишь воплощение плана в несовершенной материи породило само Время. Время, как «избыточное проявление» или *эманации* Бога – и есть отголоски этого замысла. Философ должен спуститься с высот вечности в царство времени и исследовать его, утверждал еще Плотин [Плотин, 2004, с. 377]. Этот античный неоплатонический аккорд, равно как и овладение искусством счета и хранения Времени (составление календарей и таблиц, производство магических квадратов и астроябий), на развалинах Византийской империи разыгрывались как важная и почетная научная задача независимо от народности и конфессии ученого. Только путем счета или измерения Времени возможно было предугадать те контуры («*знамения*») событий и вещей, которые только-только реализуются в мире, исходя «божьего замысла». Клавдий Птолемей видел «истинную цель математической философии» в согласовании наблюдаемых циклов и неравенств в движении всех пяти планет, Солнца и Луны, с помощью круговых равномерных движений, которые по природе свойственны божественному, чуждому беспорядка и неравномерности [Птолемей, 1998, с. 278].

Во времена Есаи для достижения поставленной цели в мире исламской цивилизации обозначились два пути, которые возводились

«мудрости Аристотелевой». Первый – путь неоплатонизма: моделирование движений планет методом комбинации равномерных круговых движений. Это путь геометрических, порой даже мистических, откровений. Второй – путь арабских перипатетиков, или прагматическая установка на активный подсчет Времени для согласования движений и циклов всех небесных тел. То есть путь практики и реализма в науке. Исходя из сохранившихся текстов самого Есаи, автор на первый взгляд остается последовательным перипатетиком. С другой стороны, время у Есаи представляется не только мерой, числом движения Аристотеля, но и неоплатоническим временем движения души, о чем свидетельствует повышенный интерес вардапета к практической астрологии [Есаи, 1990, с. 86].

В другом фрагменте пособия по летоисчислению Есаи заявляет: Читающий о круговом обороте, размышляющий о циклах, должен впитывать знания относительно звезд и тем самым совершенствоваться [там же, с. 79]. Мы видим, что дихотомия S-O, первого и третьего лица, при восприятии Времени армянским ученым еще не фиксируется, его сознание не в состоянии различить ее. В отсутствии субъект-объектного различия календаровед принимает себя как часть единого большого мира *томара* (армянского календаря). Со слов старшего современника и земляка Есаи, астронома Акопа Крымеци, такому календарю суждено было вобрать в себя всю Вселенную, пути Солнца и Луны [Эйнатян, 1991, с. 56]. Перефразируя уже Мерло-Понти, когда внутреннее и внешнее неразделимы [Мерло-Понти, 1999, с. 517], микрокосм календаря внутри Есаи, а сам Есаи весь «растворен» в макрокосме временных циклов. Ведь небесные создания, как утверждал просветитель Анания Ширакаци, не есть что-то пустое и никчемное, а то, что существует для великой пользы людей [Ширакаци, 1962, с. 70]. Время всегда имеет смысл, счет времени есть смысл летоисчисления, заключает Акоп Крымеци, время существует у нас, а не на небе, и человек есть «распорядитель времени», ибо он начал считать «временную вечность» [Акоп Крымеци, 1991, с. 89–90]. Сам календаровед вбирает в себя, познает мир окружения посредством активного оперирования числовыми отношениями, он обращен к миру летоисчисления, «растворен» в нем. Философия, астрология, богословие и музыка для армян – лишь дополнительный инструментарий, позволяющий гармонизировать астрономические циклы Вселенной единой *Наукой календаря*. Это совершенно иная смысловая конструкция, которая требует прорыва в понимании и отчасти интуитивного видения Иного.

Несмотря на изнурительные ирано- и арабо-византийские войны, Крестовые походы, сельджукские и монгольские завоевания, бесчисленные набеги мамлюков, в пойме эллинистической цивилизации никогда не останавливались торговля и взаимообогащение научными достижениями. Это был космополитический плавильный

котел эллинского Средиземноморья и индоиранского мира. Здесь говорили на арабском, армянском, фарси, иврите, сирийском, арамейском, греческом, кыпчакском, латинском, даже санскрите, который пользовался при переводе древнеиндийских математических сочинений. Научные знания переливались из одного интеллектуального русла в другое. Количество изобретений, открытий просто зашкаливало – астролябия, механические часы, арабская бумага, механизмы фонтанов и водоснабжения городов, текстиль. Разворачивается бурная переводческая и комментаторская деятельность, вырабатывается первая научная терминология на других языках [Хасани, 2011].

XIV–XV вв. – это время компилятивного расширения базы восточных энциклопедий [Sezgin, p. 41–64], когда знания, собираются и редактируются, исходя из потребностей и возможностей той интеллектуальной культуры, в которой они оказались. Создаются многочисленные неканонические сборники и трактаты по этике, политике, ведению хозяйства, алхимии и астрологии. Эти компиляции становятся основой светской науки и философии, в которой не мог не ориентироваться наш автор, календаровед Есаи Крымеци. При этом монахам Западной Европы, несмотря на обилие католических миссий, разобраться в тонкостях интеллектуальной культуры Средиземноморья и Причерноморья не представлялось возможным: тонкости синкретических переплетений едва могли объяснить сами носители культуры. Лучшей демонстрацией кросс-культурных связей является сам текст крымского вардапета.

В «Календаре Солнца и Луны» в главе, посвященной движению планет, Есаи излагает следующий факт как нечто абсолютно для него очевидное. Рассуждая о видах движения, вардапет объясняет, что их существует три, которые относятся к натуральной философии, и шесть, которые относятся к диалектической, а также шесть начал... [Эйнатян, 1990, с. 80]. Вне сомнения, эта классификация движений надлунного и подлунного миров заимствована у Аристотеля. Шесть видов движений подлунного мира – возникновение, уничтожение, увеличение, уменьшение, превращение и перемещение, – обсуждается в «Категориях» (XIV 15). А о движениях, присущих телам на небе, сообщается в других сочинениях («О небе», II 15; «Физика», VIII, VIII, 30). Но в такой компиляции, как у Есаи, виды движения не встречаются ни в текстах самого Аристотеля, ни в текстах его более поздних комментаторов. С другой стороны, шесть начал (принципов) искусства астрономии обнаруживаются в «Каноне Мас'уда» Бируни [Бируни, 1975, с. 62] в виде сжатого изложения первых восьми глав первой книги Альмагеста Птолемея [Птолемей, 1998, с. 5–15]:

1. Небо сферично по форме и по движению;
2. Земля сферична по своей форме;
3. Место Земли относительно Вселенной – середина неба;

4. Величина Земли по отношению к небу неощутима;
5. Земля не имеет ни вращательного движения, ни движения перемещения;
6. В небе первичных движений два вида (суточное движение небесной сферы с востока на запад и движение Солнца и Луны вдоль эклиптики с запада на восток).

Эклектическое положение Есаи о видах движения, на наш взгляд, заимствовано из всеобщей научной энциклопедии «Братьев чистоты и друзей верности» [Nasr, 1964, p. 66] – безусловного авторитетного научного источника времени Есаи. Астролого-астрономический синтез разума и откровения, осуществленный басрийскими братьями, реставрировал античный космос как единое органическое целое на основе неоплатонических, перипатетических и неопифагорейских идей. Подобная мотивация отчасти близка и практическому пособию Есаи по исчислению времени, а также причине уточнения «Календаря Солнца и Луны» в соответствии с географическим положением города, в котором жил вардапет. В определенных местах текста ощущается опосредованное влияние идей исмаилитского гнозиса, в частности в пунктах самосовершенствования и построении города добродетельных людей. Мастерство от познания движения Вселенной, пишет Есаи в разделе «О пользе астрологии», для того, чтобы люди были готовы и вели себя осторожно до тех пор, пока время обид и измен закончилось бы началом благоприятного времени [Эйнатян, 1990, с. 86]. Подобная тенденция, с оглядки на космографии Анании Ширакаци (VII в.), Нерсеса Благодатного (XII в.), Ованнеса Ерзнкаци (XIII в.) и современника, земляка Есаи, Акопа Крымеци (XV в.), по большей части, чужда общей линии армяно-григоринской космографической традиции. Даже учитывая наличие древнеармянского перевода астрологических текстов Павла Александрийского [Ширакаци, 1962, с. 25], у Есаи прослеживаются несколько иные акценты в календароведении и астрологии, и от этого творчество ученого становится еще более увлекательным.

Жизнь и научная деятельность Есаи Крымеци

Являясь служителем католической церкви и монастыря Св. Антония, Есаи имел в своем распоряжении арабские и персидские источники по астрономии. Измерения ученый-монах делал при помощи универсального механизма *астролябии*, активно используя зиджи Бируни для составления таблиц и расчета эфемерид для города Каффа [Эйнатян, 1990, с. 14, 33]. При этом вардапет свободно апеллировал к полузабытой ассирийской хронологической системе, используя в своем практическом руководстве такое понятие, как «*сосс*» [Тураев,

1936, с. 146] – цикл, период «дыхания живого» Вселенной в 60 лет, дабы, повторимся, «читающий о круговом обороте, повторим слова календароведа, впитывал в себя и совершенствовался» [Есаи, 1990, с. 79–80]. Ситуация с источниками творческого вдохновения Есаи становится еще более интригующей, если вспомнить книгу из его личной библиотеки, о которой упоминают Аникян и Восканян в сборнике, вышедшем в Вене в 1971 г. [Эйнатян, 1990, с. 10] Книга имеет название «Астрология Джалала, написанная Аристотелем и принадлежащая трудолюбивому Есаи кронавру». Обозначенный труд тесно переплетается с астрономической школой Исфахана. Но неясно до конца, что лежало в его основе. То ли это астрологический труд Омара Хайяма, написанный для султана Джалал ад-Дина Малик-шаха еще в XI в. То ли это труд Махаммада ибн Джафара ал-Кирмани, известного как «Джалал». Ведь семья Джалала, мастера ал-Кирмани, в трех поколениях (XIII–XIV вв.) были лучшими мастерами астрономических инструментов Исфахана и создавали астрольбии в том числе и для армянских ученых [Comes, 2005]. Подобная книга вряд ли могла оказаться завезенной из Европы, даже учитывая чересчур интенсивную деятельность католических миссионеров Крыма, а также полувековое функционирование престижной армяно-католической школы при монастыре Св. Антония [Микаелян, 2004, с. 111]. Поэтому мы не можем согласиться с тем, что источником вдохновения для Есаи послужили латинские переводы арабских и персидских источников [Паронян, 2013, с. 61]. Вардапет Есаи, создававший собственное практическое пособие по астрономии и астрологии на древнеармянском грабаре с заимствованиями с пехлеви, арабского, греческого, латинского, – это плод космополитического плавильного котла Средиземноморья, даже с учетом его более поздней жизни в Крыму.

Унитарская армянская церковь Св. Антония и образовательный центр при ней, с которым связана вся жизнь Есаи, была восстановлена еще в 1428 г. с переездом вардапета Саркиса из Киликии на должность католикоса Каффы [Эйнатян, 1990, с. 8]. Престиж армяно-католической школы был довольно высоким. Если учесть, что Есаи происходил из богатой и большой армянской семьи, граждан Каффы, благодетелей монастыря Св. Антония, то нет никакого сомнения, почему юноша попал под покровительство именно настоятеля Саркиса. В памятной записи от 1431 г. читаем. Благочестивая дама Азиз Мелик, дочь парона Амира и ее сын монах Есаи дали монастырю Св. Антона 100 сом, положили (их) в банк, и 100 сомов (приносит) прибыль в 1400 белых, которым и кормится ежегодно монастырь. И господин Амир, дед Есаи, (положил в банк) 25 сомов, и прибыль (их) в 300 белых, год от года, бесперебойно (отходит) монастырю [Саргсян, 2010, с. 223–224]. Если в начале XV в. в генуэзских колониях Крыма 1 сом (слиток серебра) в среднем приравнялся 200 граммам, то 100 сом – внушительная сумма по тем временам (1 сом в год

приносил 12 серебряных монет). Интересно, что в 1431 г. отец Есаи Аствацатур также был монахом этого монастыря, а преподавательскую деятельность Есаи начал совместно с Саркисом еще в 1428 г. В итоге, становление Есаи как ученого неразрывно связано с прогрессивными взглядами вардапета Саркиса, который оставался настоятелем монастыря Св. Антония в течение 20 лет. Здесь за отдельную плату изучали и античную философию. В записи от 28 августа 1428 г. каллиграф Тадеос Авраменц отметит, что начал писать книгу в тот день, когда «великий вардапет, и искусный ритор, и сведущий тэр Саркис положил начало преподаванию уроков и обучению нас братьев... И тихо и не спеша, прочли Порфирия и Аристотеля, и в октябре заплатили (вардапету), ибо время от времени случались перебои из-за некоторых» [Саргсян, 2010, с. 216]. Имя Саркиса в памятных записях сопровождается положительными эпитетами: блаженный, постигающий истину, сведущий, прогрессивный, знаменательный, восстанавливающий и преумножающий [там же, с. 228]. Собственно, таков остался в памяти армянского народа и его ученик, добродетельный и в святости воспитанный безбрачный инок Есаи, в юношеском возрасте отрешившийся от мира и имущества, обернувшийся иноком и ставший поводом многих благодеяний для монастыря (Св. Антония) [там же, с. 223, 231].

Под протекцией киликийского вардапета юноша из состоятельной армянской семьи действительно мог получить лучшее образование, которое на тот момент могло вообще быть в Крыму. В эти два десятилетия, судя по сохранившимся книгам, Есаи раскрывается как разносторонняя личность с присущей остротой ума, широтой взглядов и обобщений. Помимо богословия он живо интересуется музыкой и философией. В 1435 г. вардапет «на честные доходы свои» получает из рук каллиграфа Оксэнта сборник церковных песнопений (*хазгирк*, *манрусмунк*), переписанный по его просьбе в «уладу себе самому и в память о себе, и о родителях своих: господине Аствацатуре и Азиз-мелик, и братьях своих – господине Туман-пэке и господине Этил-пэке» [там же, с. 231]. Переводит книги, в числе которых оказывается ранее упомянутая «Астрология Джалала, написанная Аристотелем». В промежутке между 1440 и 1446 гг. каллиграф Оксэнт по заказу Есаи создает рукописный сборник философского содержания, в который включаются фрагменты Аристотеля, Фомы Аквинского, Давида Анахта, а также духовные наставления Григора Татеваци. Параллельно в 1441 г. Есаи составляет «Календарь праздников Каффы». После долгих лет сотрудничества с Оксэнтом руками писца он снова напомним всем, что мечтал написать эту рукопись в добрую память о себе родителям, отцу господину Аствацатуре, матери хатун Азиз Мелик, своим братьям господину Туман-пекину и Этил-пекину, господину по материнской линии Амиру и другим близким [Эйнатян, 1990, с. 5, 10, 13]. Так или иначе, с 1439 по 1444 г.,

согласно датировке сохранившихся манускриптов, армянский ученый-монах кропотливо овладевает искусством счета и хранения Времени.

Исчисление времени и работа с календарем

В главах «Календаря Солнца и Луны» вардапет дает следующую установку обучающимся. «Решай проблемы мира знамениями и не навреди неграмотностью... знамения любомудрия необходимо использовать с пользой в качестве заботы Бога о мире через предсказания» [Эйнатян, 1990, с. 86]. Астроном и астролог Есаи действует, стараясь выстроить хрупкий связующий мост между циклами и уравновесить все точки временных отсчетов. Владение несколькими языками, «ученая дружба» с представителями других культур и религий [там же, с. 31] предполагает открытость образа мышления вардапета. До конца неясно, почему наш армянский автор увлекся календароведением. Быть может, это стало общей потребностью после принятия унии армянами с католической церковью в 1439 г. на Ферраро-Флорентийском соборе. Ведь при этом возникала задача приведения в соответствие церковных календарей. Не менее правдоподобно выглядит желание предвидеть рождение неубывающей «совершенной» Луны, что сравняется с Солнцем. Само ее появление, которого армяне ждали еще в 1416 г., должно было возвестить народу о конце света и восстановлении справедливости. Возможно, это и производная согласования планетарных движений исчислением времени – проблема *интеркаляций*, точнее, вопрос о периодическом добавлении месяцев или дней для согласования длительности календарного и тропического года. В Средние века она порождала множественные календарные споры, которые в поликультурной среде представляли нечто само собой разумеющееся. Сколько должно быть високосных годов: 1 раз в 4 года, 8 раз за 33 года, 11 раз за 30 лет или 97 за 400 лет? Или, может, лучше согласовывать суточные, месячные и годовые циклы введением тринадцатого месяца длительностью 5 дней (или 6 в високосный год)?

Расчет *интеркаляций* представлял собой наивысшее мастерство исчисления времени, и эта проблема с приближением конца года всегда для Есаи представляла проблемой будущего. Как лучше упорядочить движения планет, геометрией (неоплатонизм) или временем как числом движения (перипатетизм)? Как правило, большинство исламских астрономов-энциклопедистов (аль-Бируни, ат-Туси, Ибн аш-Шатир) к проблеме интеркаляций относились взвешенно, концентрируясь на геометрическом решении задачи Птолемея о равномерности движений планет (например, устранением эксцентриситета,

представлением прямолинейного движения комбинацией двух вращательных). Неортодоксальные группы шиитов, в частности исмаилиты, рассматривали циклы времени как необходимую теологическую иерархию становления космоса, знаменем указывающие на появление в мире так называемого «имама времени», который наполнит его справедливостью. Еврейские же ученые, ибн Эзра, Маймонид, Авраам бар-Хийя, пытались выразить сакральное знание об исчислении високосного года «*иббура*» на «научном языке» – рациональном языке числовых соотношений [Carlbach, 2011, p. 17–19]. Эта традиция сберегалась и в культуре Северного Причерноморья. Достаточно вспомнить малоизвестный труд киевского раввина и каббалиста XV в. Моше Якова ха-Голе «*Yesod ha-ibbur*», в котором на основе комментариев Маймонида к законам Киддуша ха-ходеша, а также обширных дискуссий по астрономии и астрологии были составлены и интерпретированы планетарные таблицы 19-летнего цикла интеркаляции, дабы приоткрыть завесу над тайным смыслом *иббура* [Langermann, 2011, p. 446]. Подобным образом волны восточного перипатетизма и неоплатонизма накатывались, смешивались и исчезали друг в друге, являя миру фундамент научного мировосприятия XIV–XV вв., с которым вынужден был считаться наш автор Есаи Крымеци, даже с оглядкой на, скажем, самодостаточность армянской календароведческой традиции.

В попытке воспринять сложность той задачи, которую поставил перед собой Есаи Крымеци, вынесем за скобки привычное нам исчисление по григорианскому календарю – 2018 г. от Р.Х. Погрузимся в сложное многообразие календарных систем прошлого, среди которых жил и работал наш автор.

Ко времени деятельности Есаи у армян перемешались несколько систем счисления Времени. Прежде всего, это счисление по древнеармянскому календарю с временным циклом в 1460 лет (*Круг Хайка*), основой которому послужил египетский календарь. Это подвижный солнечный календарь длительностью $30 \times 12 + 5 = 365$ дней, где дополнительный 13-й месяц Авельяц состоял из 5 (6) дней. С принятием армянами христианства возникла необходимость календарной реформы. В 584 г. на III Двинском соборе был принят 532-летний пасхальный цикл Эаса Александрийского и возникло Летоисчисление Мовсеса (*Великое армянское летоисчисление*). Тем не менее календарь оставался подвижным. «Остановить» круг Хайка пытался еще Анания Ширакаци, когда привел в соответствие армянские и римские месяцы. Затем в 1084 г. идею неподвижного календаря воплотил в жизнь Ованнес Имастасер (Саркаваг). Так возникло *Малое армянское летоисчисление*, рассчитанное на период с 1084 по 1616 г. При этом вводилась система високосного года, было принято новое начало года (1 Навасарда = 11 августа), но не отменялся 13-й месяц Авельяц. В XII в. Степаносом была предложена еще одна реформа

календаря, в которой предлагалось начало года перенести на март (1 Навасарда = 1 марта) [Серайдарян, 2006, web]. Если добавить к исходному эклектическому «временному узлу» летоисчислений обязательное знание армянином-унитором Есаи азов григорианского календаря, то общая идентификация себя во Времени для календароведа становилась недостижимой. К примеру, возьмем время написания вардапетом «Календаря праздников Каффы» – 1441 г. по григорианскому календарю. Из общепринятой ныне хронологии очевидно – это третий круг Хайка, точнее, 3934 г. по древнеармянскому летоисчислению. Это же и 889 г. по летоисчислению Мовсеса, и в то же время, 357 г. по Малому армянскому исчислению Саркавага. Но в каком Времени календароведу Есаи следовало бы идентифицировать свои сознательные переживания?

На рубеже XIV–XV вв. практически любая культура по-прежнему строилась на аутентичном исчислении сакрального времени, дарованного высшими силами, и этим же временем определялась. Человек вне сакрального Времени – человек вне культуры и традиции, вне закона. Для кочевых народов исключительно важным считался 12-летний цикл Юпитера, для китайцев – 60-летний цикл, совмещающий 12-летний цикл Юпитера и 30-летний цикл Сатурна. Основой исчисления календарей, базирующихся на авраамических религиях, были 19-летний цикл Луны, 28-летний цикл Солнца, либо их сочетание. Например, за цикл в 532 г. (19×28) движение Луны согласовывалось с движением Солнца, соответственно для христиан становился возможным расчет Пасхалий. Понимание циклов времени – путь к совершенству человека вне зависимости от культурной среды и происхождения. Гармонизируя их, упорядочив счетом и мерой, астролог может получить знание, предвещающее завершение всех циклов, и в мир наконец-то вернется справедливость. Литургическое время армянского исчисления – тот же путь к единству совершенств: совершенного человека и совершенного бога. Практическая направленность работ Есаи, отход от общего теоретизирования, скрупулезный подсчет «крупниц Бога на земле», складывание их в общую «мозаику времени»; отслеживание астрологических знамений, затворническая жизнь на одном месте – все из перечисленного позволяет соотнести деятельность вардапета больше с скрупулезной работой, скажем, «хранителя Времени», нежели космолога-теоретика.

Для генуэзцев, бывших наследников Рима, основавших колонии на берегу Черного моря, Каффа – *лимбо*, «место безвременья», «врата Тартара», куда пребывают души, которые не могут попасть ни в рай, ни в ад по независящим от них причинам. Подобный созерцательный неоплатонизм гуманистов-цезаристов запечатлел в «Огдоаде» современник Есаи, миланский грамматик Альберто Альфиери, живший в Каффе примерно в то же время, что и наш автор

[Weinberg, Matter (eds.), 2011]. Именно поэтому первые в Восточной Европе механические часы (Horologium), установленные в Каффе над главными воротами, на башне Криско, и потребляющие масло в огромных количествах [Пономарев, 2000, с. 317–443], для итальянцев стали символом богатства и могущества над Временем «в безвременье» на краю «Тартара» – там, где временное единство с былой родиной практически утрачено. Но для армян Каффы Horologium – всего лишь мастерски сделанная безделушка, «τέχνη», символ искусственного могущества, абсолютно бесполезная забава. Для армянских эмигрантов из Сирии, Киликии, Закавказья к измерению литургического времени механические часы могли иметь весьма посредственное отношение. Поэтому для календароведов, таких как Есаи, исключительно важна мотивация обновления старой хронологии, и знактивного сознательного овладения Временем: собирания «мозаики» из крупиц Времени на новом «сакрализующемся топосе», но отнюдь не пассивный, созерцательный подсчет Времени в память об утраченном.

Воплощением механизма, дающего целостное представление обо всех движениях Солнца и Луны, позволяющего без труда переходить между датами армянских календарей и календарей других народов, для Есаи становится не Horologium, а астрология. Задача – удержать Время, понять «дыхание Бога», сохранить «движениями души» его божественную сущность среди хода времени других народов – евреев, арабов, персов, сирийцев. Для контроля за сбором частиц Времени Есаи Крымечи в практическом пособии предлагает множество таблиц «Календаря Солнца и Луны»: для двух светил вместе и отдельно, в частности, с учетом географического положения Каффы [Эйнатян, 1990, с. 33]. При этом общие астрономические таблицы нашего вардапета практически не интересуют. Ощущение Бога – в «мозаике» временного хода, кропотливо складываемой из всевозможных крупиц, и больших, и малых, где каждая из крупиц должна быть названа и посчитана. Так традиционное для армян различие частиц лунного часа (1 мас = 12 мин., $12 \times 5 = 60$) и солнечного часа (1 масунк = 2 мин., $2 \times 30 = 60$) приобретает новый смысл. А привычные для армян имена личные в названиях часов в сутках, дней недели, месяцев окрашиваются субстанционально по-новому. Ведь все они состоят из частиц Луны и Солнца, и, значит, перефразируя слова Есаи, ни одной минуты не пройдет, чтоб не продемонстрировать это искусство безошибочно, чтоб оставалось сделанным в мире [Эйнатян, 1990, с. 71]. Подобная непрерывная религиозно-философская медитация над Временем позволяет вардапету самосовершенствоваться, секуляризуя астрономические знания и удачно конвертируя их в календарные данные.

Воспринять эти кардинальные отличия от консервативной армянской традиции можно при сравнении когнитивных установок разных календароведов – унителя Есаи Крымечи и его старшего

современника, земляка, григорианца Акопа Крымечи. У Акопа Крымечи, постулирующего 12 начал науки календаря [Акоп Крымечи, 1987, с. 145], отчетливо прослеживается синкретическое наложение религиозных и философских традиций. Аутентичный стиль изложения не позволяет в трудах Акопа провести демаркационные линии между философией, религией и астрономией.

Научная деятельность Есаи Крымечи – это «армянская духовность» иного, латинского образца, не выдержавшая испытания со временем. Вовлечение монаха в унитарское движение делало его ученым новой, рациональной формации, чуждой консервативному григорианскому умонастроению и миропониманию. Налицо переход от «неоплатонического созерцания» к активному действию перипатетика: использование элементов секуляризованного времени для отслеживания правильности хода календарных циклов. Именно поэтому, ориентируясь на астрономические работы Бируни и арабские «Зиджи» [Эйнатян, 1990, с. 96], свой «календарь» Есаи начинает не с теоретических, а исключительно практических рекомендаций по работе с астролябией и наблюдению за «временным ходом» Солнца и Луны:

первый состав – зодиаки Солнца. **Второй состав** – границы звезд (планет), **третий** – пояса звезд, **четвертый** – владыка зодиаков, **пятый** – день месяца, **шестой** – изображение дней недели, **седьмой** – лунное писание, **восьмой** – часы Луны, **девятый** – частицы Луны, **десятый** – часы дневного движения Солнца по отношению к дневным звездам [там же, с. 71].

Заключение

Творчество Есаи Крымечи – это, безусловно, ренессансный стиль мышления со всеми исходными признаками: элитарность и диалогичность, практичность, несовершенство научной терминологии, нетрадиционный взгляд на устоявшиеся понятия, владение несколькими языками, «ученая дружба» с представителями иных культур и религий [Эйнатян, 1990, с. 31]. Монах Есаи занимался поэзией, переводческой деятельностью, астрономией и астрологией, но при этом нам не знакомы его религиозные сочинения. В светском гуманизме итальянских колонистов время – это конкретное достояние индивида [Баткин, 1995, с. 112–114], когда «время купцов» и «время церкви» гипостазировано в нечто третье. В наследии Есаи воплощением этого «нечто» становится «рационализированное» календарное время Солнца и Луны, согласующее астрономические циклы внутри армянской культуры. Согласованный *томар Времени* – единственная возможность кросс-культурного диалога между армянами, независимо

от конфессиональной и культурной принадлежности. Так монах через философию, религию и астролого-астрономические знания прокладывал путь к намеченной цели, что неизбежно вызывало секуляризацию, десакрализацию хода времени в чересчур консервативных армянских календарных системах.

Позднее путь совершенствования «армянской духовности» по рациональному латинскому образцу признан был в армянской среде совершенно неправильным и посему обреченным. Последние монастыри унитаров в Нахиджеванской автономии и в Артазе были окончательно разорены и разрушены в XVIII в. А значит, все календарные исследования Есаи Крымеци, к большому сожалению, признавались неканоническими, и были со временем практически забыты. Лишь изредка труды «сподвижника календарной науки» Есаи Крымеци вспоминались в XVII в. (Асар Себастья) и XIX в. (братья Хазар и Манук) [Эйнатян, 1990, с. 19], но даже в таких редких случаях труды его высоко оценивались потомками. Лишь в конце XX в. благодаря титаническим усилиям сотрудников Матенадарана, в частности научной деятельности Джульетты Абрамовны Эйнатян, труды Есаи Крымеци частично реанимированы и наконец введены в научный обиход.

Список литературы

Акоп Крымеци, 1987 – *Акоп Крымеци*. Календароведческие труды. Ереван: АН АССР, 1987. 395 с.

Акоп Крымеци, 1991 – *Акоп Крымеци – армянский космограф XIV–XV веков* / Под ред. Д.А. Эйнатян. М.: Наука, 1991. 103 с.

аль-Хасани, 2016 – *аль-Хасани С.* 1001 изобретение. Бессмертное наследие исламской цивилизации. М.: Эксмо, 2016. 352 с.

Аревшатян, 1980 – *Аревшатян С.* К истории философских школ средневековой Армении (XIV в.). Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1980. 79 с.

Баткин, 1995 – *Баткин Л.М.* Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М.: РГГУ, 1995. 448 с.

Вируни, 1975 – *Вируни А.Р.* Избранные произведения. Т. VI: Книга вразумления начаткам науки о звездах. Т.: ФАН, 1975. 328 с.

Есаи Крымеци, 1990 – *Есаи Крымеци*. Календарь Солнца и Луны / Пер. с арм. Дж. Эйнатян. Ереван: АН АССР, 1990. 115 с.

Мерло-Понти, 1999 – *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб.: Ювента; Наука, 1999. 606 с.

Микаелян, 2004 – *Микаелян В.А.* История крымских армян. Киев: Энергия плюс, 2004. 224 с.

Паронян, 2013 – *Паронян Н.В.* Исконные и заимствованные слова в труде Есаи Крымеци «Календарь Солнца и Луны» // *Ученые записки АГПУ им. Х. Абовяна*. 2013. Т. 1. № 18. С. 61–70.

Пономарёв, 2000 – Пономарёв А.Л. Население и территория Каффы по данным массарии – бухгалтерской книги казначейства за 1381–1382 гг. // Причерноморье в Средние века. 2000. Вып. 4. С. 317–443.

Птолемей, 1998 – Птолемей. Альмагест / Пер. с древнегреч. И.Н. Веселовского. М.: Наука. Физмалит, 1998. 672 с.

Саргсян, 2010 – Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.) / Сост., перев., прим. Т.Э. Саргсян. Симферополь: Сонат, 2010. 312 с.

Серайдарян, 2006 – Серайдарян Г. Истинное армянское летоисчисление // «Новое армянское слово». 2006. Вып. 4. URL: <http://novarm.narod.ru/arch112006/krug.htm> (дата обращения: 30.11.2019).

Тураев, 1936 – Тураев Б.А. История Древнего Востока. Т. 1. Л.: ОГИЗ, 1936. 362 с.

Ширакаци, 1962 – Аняния Ширакаци. Космография / Ред. Л.С. Хачикян. Ереван: АН Арм. ССР, 1962. 128 с.

Эйнатян, 1987 – Эйнатян Д.А. Аюп Крымечи. Календароведческие труды. Ереван: АН АССР, 1987. 395 с. (На армян.)

Carlbach, 2011 – Carlbach E. Palace of Time. Jewish Calendar and Culture in Early Modern Europe. N.Y.: Belknap Press, 2011. 304 pp.

Comes, 2005 – Comes R. Armenian Alphanumeric Notation on a 14th Century Iranian Astrolabe Found in Fez // Suhayl. 2005. № 5. P. 243–251.

Dadoyan, 2014 – Dadoyan S.B. The Armenians in the Medieval Islamic World: Paradigms and Interaction – Seventh to Fourteenth Centuries. Vol. III. L.: Routledge, 2014. 289 pp.

Langermann, 2011 – Langermann Y.T. Science in the Jewish Communities of the Byzantine Cultural Orbit // Science in the Medieval Jewish Communities / Ed. by G. Freudenthal. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011. P. 435–453.

Nasr, 1964 – Nasr S.H. An Introduction to Islamic Cosmological Doctrine. Conceptions of Nature and Methods Used for Its Study by the Ikhwan Al-Safa', Al-Biruni, and Ibn Sina. N.Y.: Harvard College, 1964. 318 pp.

Rubenstein, 2003 – Rubenstein R.E. Aristotle's Children. How Christians, Muslims, and Jews Rediscovered Ancient Wisdom and Illuminated the Middle Ages. Boston: Harcourt, 2003. 384 pp.

Sezgin, 2003 – Sezgin F. Wissenschaft und Technik im Islam, Bd. I. Einführung in die Geschichte der arabisch-islamischen Wissenschaften. Frankfurt am Main. 2003. xii, 218 pp.

Weinberg, Matter, 2011 – Education, Civic Virtue, and Colonialism in Fifteenth-Century Italy: The Ogdoads of Alberto Alfieri / Ed. by C.P. Weinberg, E.A. Matter. Tempe: Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, 2011. 194 pp.

References

al-Hassani T.S. 1001 izobretenie. Bessmertnoe nasledie islamskoi tsivilizatsii [1001 Inventions: The Enduring Legacy of Muslim Civilization]. Moscow: Eksmo, 2016, 352 pp. (In Russian)

Arevshatyan, S. *K istorii filosofskikh shkol srednevekovoj Armenii* [On the History of Philosophical Traditions of Medieval Armenia(14th century)]. Erevan: AN Arm. SSR, 1980, 79 pp. (In Russian)

Batkin, L.M. *Italianskoe Vozrozhdenie: problemy` i lyudi* [The Italian Renaissance: Issues and People]. Moscow: RGGU, 1995, 448 pp. (In Russian)

Biruni, A.R. *Izbranny`e proizvedeniya. T. VI. Kniga vrazumeniya nachatkam nauki o zvezdakh* [Selected Works. Vol. VI: Admonition Rudiments of the Science of the Stars]. Tashkent: FAN, 1975, 328 pp. (In Russian)

Carlbach, E. *Palace of Time. Jewish Calendar and Culture in Early Modern Europe*. New York: Belknap Press, 2011, 304 pp.

Comes, R. "Armenian Alphanumeric Notation on a 14th Century Iranian Astro-labe Found in Fez", *Suhayl*, 2005, no. 5, pp. 243–251.

Dadoyan, S.B. *The Armenians in the Medieval Islamic World: Paradigms and Interaction – Seventh to Fourteenth Centuries. Vol. III*. London: Routledge, 2014, 289 pp.

Eynatyan, D. (ed.). *Yesai Krymetsi Kalendar Solntsa i Luny* [Sun and Moon Calendar]. Yerevan: AN ASSR, 1990, 115 pp. (In Armenian)

Eynatyan, D. *Akop Krymetsi. Kalendarovedcheskiye trudy* [Yakob of Crimea. Calendar Studies]. Yerevan: AN SSR, 1987, 395 pp. (In Armenian)

Langermann, Y.T. "Science in the Jewish Communities of the Byzantine Cultural Orbit", in: G. Freudenthal (ed.). *Science in the Medieval Jewish Communities*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011, pp. 435–453.

Merlo-Ponty, M. *Fenomenologija vosprijatija* [Phenomenology of Perception]. Saint Petersburg: Juventa, Nauka, 1999, 606 pp. (In Russian)

Mikaelyan, V.A. *Istoriya krymskih armyan* [History of Crimean Armenians]. Kyiv.: Energiya plus, 2004, 224 pp. (In Russian)

Nasr, S.H. *An Introduction to Islamic Cosmological Doctrine. Conceptions of Nature and Methods Used for Its Study by the Ikhwan Al-Safa', Al-Biruni, and Ibn Sina*. New York: Harvard College, 1964, 318 pp.

Paronyan, N.V. "Iskonnyie i zaimstvovannyye slova v trude Yesai Krymetsi Kalendar Solntsa i Luny" [Primordial and Borrowed Words in the Yesai of Crimea Work "Sun and Moon Calendar"], *Uchenyye zapiski ASPU*, 2013, vol. 1, no. 18, pp. 61–69. (In Armenian)

Ponomaryov, A.L. "Naselenie i territoriya Kaffy po dannym massarii za 1381–1382" [The Population and Territory of Kaffa According to the Massaria for 1381–1382], *Prichernomor'ye v Srednie veka* [The Black Sea Region in the Middle Ages], 2000, vol. 4, pp. 317–443. (In Russian)

Ptolemy. *Almagest*. Moscow: Nauka, Fizmalit, 1998, 672 pp. (In Russian)

Rubenstein, R.E. *Aristotle's Children. How Christians, Muslims, and Jews Rediscovered Ancient Wisdom and Illuminated the Middle Ages*. Boston: Harcou, 2003, 384 pp.

Sargsyan, T. (ed.) *Svod armyanskikh pamyatnykh zapisey, otnosyashchikhsya k Krymu i sopredel'nyim regionam (XIV–XV)* [The Code of Armenian Commemorative Notes Relating to the Crimea and Neighboring Regions]. Simferopol: Sonat, 2010, 312 pp. (In Russian)

Seraydaryan, G. "Istinnoye armyanskoye letoischisleniye" [True Armenian Chronology], *Novoye-armyanskoye slovo*, 2006, no. 4 [<http://novarm.narod.ru/arch112006/krug.htm>, accessed on 20.08.2019]. (In Russian)

Sezgin, F. *Wissenschaft und Technik im Islam, Bd. I. Einführung in die Geschichte der arabisch-islamischen Wissenschaften*. Frankfurt am Main, 2003, xii, 218 pp.

Shirakatsi, A. *Kosmografiya* [Cosmography]. Yerevan: AN SSR, 1962, 128 pp. (In Russian)

Turayev, B.A. *Istoriya Drevnego Vostoka* [History of the Ancient East]. Leningrad: OGIZ, 1936, 362 pp. (In Russian)

Weinberg, C.P. Matter, E.A (eds.). *Education, Civic Virtue, and Colonialism in Fifteenth-Century Italy: The Ogdoas of Alberto Alfieri*. Tempe: Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, 2011, 194 pp.